

бы за близкого ему человека – Феокрита; деньги были розданы войску и народу, и те захотели сделать василевсом Юстина⁵. Это ли не есть интрига и причем главная, связанная с приходом к власти дяди Юстиниана, с которого, по существу, началось длительное правление самого Юстиниана?

Ф.Н. Альпи в статье “Христологическая ориентация XVI и XVII книг хроники Малалы: правление Анастасия (491–518) и Юстина I (518–527)” (с. 227–242) приходит к выводу, что хронист не противопоставляет правление Юстина правлению Анастасия в религиозном и политическом аспектах. Для Иоанна Малалы в первую очередь важен высокий имидж христианского монарха. Под его пером в окончательном виде складывается жанр легитимистского и квазиофициального повествования. Хронист вполне отдает себе отчет в том, что христологические споры являются движущей силой исторического развития, но как бы драматично и трагично он не описывал мятежи и восстания, он всегда их осуждает, и для него на первом месте позиция императорской власти, которая является гарантом общности церквей.

Был ли это собственный оригинальный взгляд хрониста на свое время, империю и императора или он отразил сложившуюся традицию, атмосферу, в которой он жил? Нам представляется, что верным является второе.

Ф. Блодо в статье “Религиозный порядок и порядок общественный: наблюдения относительно церковной истории в период после Халкидонского собора в свете данных Иоанна Малалы” (с. 243–256), проведя анализ достаточно обширного материала, приходит к выводу, что хронист сглаживает, а порой и вовсе умалчивает о религиозных раздорах в период после Халкидонского собора. Хрониста, подчеркивает исследователь, заботит единство империи и именно этим объясняется его авторская позиция. Ф. Блодо вполне резонно разделяет точку зрения Б. Кроука о том, что Иоанн Малала являлся чиновником в аппарате комита Востока⁶. Однако, исходя из этого, он приходит к довольно спорному выводу. Ф. Блодо полагает, что именно чиновная среда, способствовавшая эффективному управлению империей, являлась его главной читательской аудиторией, поскольку именно она разделяла его позицию. Думается, круг читателей Иоанна Малалы был значительно шире, ибо грамотность в Византии была весьма распространенным явлением, а взгляды, выраженные в сочинении хрониста, были близки достаточно широким кругам населения.

Итоги коллоквиума в весьма остроумной форме подвел Ж.-М. Карье (с. 257–262).

В целом новая работа французских исследователей при всей спорности отдельных положений представляет несомненный интерес и является существенным вкладом не только в изучение “Хронографии” Иоанна Малалы и ее автора, но и изучение византийской ментальности VI в.

А.А. Чекалова

Zuckerman C. Du village à l'empire: autour du registre fiscal d'Aphroditô (525/526). P., 2004. 286 p., planches.

Данная монография, как признается сам ее автор, французский византинист Константин Цукерман, находится на пересечении жанров. Ее логическим центром является издание фискального регистра VI в. из египетской деревни Афродито, но сам текст документа с комментариями занимает едва ли десятую часть книги (с. 247–271). Все остальное – это детальное исследование текста регистра в том необычном ракурсе, который автор и вынес в заглавие работы “От деревни к империи”. Речь идет о кропотливом сопоставлении различных по своему характеру источников с данными изданного документа и выявлении на их основе фактов, способных пролить свет на еще малоизученные вопросы ранневизантийской истории или по-новому взглянуть на уже изученные. Идея такого сопоставления, в центре которого лежит вполне ординарный документ, заслуживает интереса уже сама по себе, поскольку поднимает изучение источников подобного рода на качественно новый уровень. Данные фискального регистра анализируются в сопоставлении с законодательными, нумизматическими и, конечно же, литературными источниками. В приложениях к одной из глав мы находим, например,

⁵ Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Turn // CFHB. Vol. 35. Berolini; Novi Eboraci, 2000. P. 337.

⁶ Croke B. Malalas, the Man and His Work // Studies in John Malalas. P. 22–23.

комментарий к так называемому Тарифу из Абидоса и XI эдикту Юстиниана. В круг интересов автора попадают и отдельные пассажи из “Тайной истории” Прокопия Кессарийского. Иногда кажется, что К. Цукерман задался целью продемонстрировать возможности одного “типового” документального текста, скрупулезное исследование которого может, как кажется, помочь нам подняться от локальных проблем отдельно взятой египетской деревни на самые высокие административные этажи огромной империи и увидеть панораму тех процессов, что происходят в ней на непростом этапе ее истории. Ведь именно в самом обычном документе могут беспристрастно и наиболее отчетливо отразиться все серьезные исторические изменения той или иной эпохи, надо только суметь подобрать ключ к информации, которая в нем содержится. Однако обо всем по порядку.

Деревня Афродиты, или – как ее чаще именуют – Афродито, откуда происходит издаваемый текст, была расположена в Нижней Фиваиде, на левом берегу Нила, напротив города Антиополь. Свою широкую известность среди специалистов по византийскому Египту она получила прежде всего благодаря находкам на ее месте (нынешний Ком-Ишкау) значительного числа папирусов VI–VIII вв.: по большей части греческих, но также коптских и арабских.

В первой главе своей работы К. Цукерман подробно описывает содержание изданного им документа, предлагает его датировку и пытается установить его контекст, сопоставляя этот регистр с другими известными папирусами из Афродито, относящимися к той же эпохе (такими, например, как земельный кадастр или бюджетное досье). Изданный текст – это пример типового регистра, составляемого каждый год казначействами городов и деревень, которым были даны права автопрагии, т.е. права самим собирать налог в казну. Он отмечает каждое перечисление, совершаемое налогоплательщиками и распределение налоговой суммы по пунктам бюджета, определяемого администрацией. Изданный документ включает 28 страниц-колонок, содержащих три серии бухгалтерских записей и две сводных таблицы. Точная его датировка представляет собой непростую проблему, поскольку данные, указанные в самом документе по этому поводу (4-го индикта), отсылает к двум датам – 510/1 и 525/6 гг. Проведя подробный разбор всех аргументов “за” и “против”, К. Цукерман склоняется ко второй дате, указав при этом, что все другие возможные варианты датировки создают гораздо больше трудноразрешимых проблем, чем предложенная им¹.

Вторая глава, красноречиво названная “Золото и медь”, исследует сложные вопросы денежного обращения в Византийской империи VI в., результаты денежной реформы Анастасия, эквивалентное соотношение золотых и медных монет, основные принципы налоговой бухгалтерии и многие другие вопросы. Выводы, к которым приходит автор, весьма интересны. Описываемый период знаменуется, по его мнению, постепенной девальвацией золотой монеты и укреплением положения медной. К. Цукерман восстанавливает реальный курс золотого солида в тот период и приходит к выводу, что этот курс был различным. Согласно его реконструкции, путешествие византийской золотой монеты по просторам империи могло выглядеть следующим образом. Солид, безукоризненная золотая монета в 24 карата, только что вышедшая с монетного двора, могла иметь такую стоимость, если бы была внесена эконому военного подразделения в качестве анноны. Когда же сборщик налогов в деревне с правами автопрагии или другой представитель местной власти клал ее в провинциальную кассу в качестве налога золотом, он считался уже за 23,5 карата. Когда налогоплательщик приносил монету к деревенскому фискальному “агенту”, то она считалась только за 22 карата, ибо 2 карата по умолчанию вычитали на расходы по взиманию налога. На деревенском рынке та же монета менялась по курсу примерно в 19,5 карата на медные деньги. “И если, путешествуя по Константинополю, наш селянин приносил свои солиды в столичный банк, то за такую монету он получал только 18 каратов” (с. 91). Впрочем, такая значительная разница курсов золотого солида, как иронично замечает К. Цукерман, создавала трудности при обращении монеты в империи не больше, чем различные курсы доллара, вывешенные в современных парижских обменных пунктах, – иногда с солидной разницей обмена – создают помехи при передвижении туристов по французской столице. Но именно эта разница курсов, вкупе с инфляционной “нагрузкой” на золотую монету может объяснить, по его мнению, ту видную экономическую роль, которую играли банкиры-менялы в V–VI вв., выгодно использовавшие эту финансовую ситуацию в свою пользу, а заодно и указать на возможный источник тех экономических богатств, которые, как предполагается, были накоплены банкирами во времена Юстиниана.

¹ Стоит отметить, что не все разделяют такую точку зрения – с ней, например, не согласен Ж. Гаску, о чем он пишет в своем предисловии к рецензируемой монографии.

Однако такая ситуация могла иметь и оборотную сторону: состояние банкира, хранившееся в свободных деньгах, скорее делало его жертвой различных вымогательств, чем состояние сенатора, заключенное в земле.

Третья глава монографии посвящена реконструкции налоговой системы и основных ее “действующих лиц”. Автор реконструирует, насколько возможно, роль всех, кто так или иначе принимал участие в процессе взимания налогов в Афродито (например, *πρωτοκομῆτης*, *βοηθός*, *ῥιτάριος/tribarius*, *ἐξελλευτής/compulsor* и т.д.), отмечая, при наличии данных, когда та или иная должность впервые упоминается в источниках и какую функцию она выполняет ко времени написания исследуемого фискального регистра. В целом можно сказать, что центральное место в процессе сбора налогов в деревне того времени может быть отдано протокомиту. Именно он участвует во всех этапах фискального сбора: уведомляет о нем, проводит распределение и обложение и перечисляет платежи бенефициариям. Именно он представляет деревню перед внешними властями, которые в рамках своих фискальных обязанностей были ответственны за слабые места процесса взимания налогов. Однако отмечается и другая тенденция – в налоговом процессе особую роль начинают играть такие службы, как *τροχιτεύται* и *ἐξελλευται*, имеющие отношение к центральной администрации, а не к городской или даже провинциальной. Система налогообложения Афродито, по мнению автора, напрямую была связана с земельным кадастром, а время взимания фиска – что вполне естественно – со временем сельскохозяйственного цикла. Но при этом К. Цукерман отмечает характерную особенность: постепенное возрастание роли денежного налогообложения за землю. В регистре и других документах из Афродито ее можно отметить лишь как тенденцию, но эта особенность, по мнению автора, именно то, что будет впоследствии существенно отличать византийский фиск от налоговых систем Римской империи и птолемеевского Египта.

Документы Афродито позволяют восстановить некоторые детали “военной истории” византийского Египта: прежде всего изменения в численности войск и их составе, ведь расходы на их содержание (в первую очередь продовольственные анноны) ложились на египетских налогоплательщиков. Весьма интересен в этой связи очерк о подразделении фаранитов, расквартированных в известном пахомианском монастыре Бау/Пбоу и призванных защищать южные границы Египта от кочевников. Для определения времени их поселения в монастыре К. Цукерман довольно искусно использует данные одного еще малоизученного текста, так называемой “Краткой проповеди Тимофея Александрийского, произнесенной по случаю освящения церкви Пахомия в (монастыре) Пбоу”, возводя дату их появления там к V в. А вот время расформирования подразделения – начало царствования Юстиниана – помогают установить документы из Афродито, поскольку на счетах 537–551 гг. оно уже не фигурирует, зато в бюджетной таблице ок. 548 г. в монастыре Бау упомянуто уже новое подразделение – *Scythae Iustiniani*. В целом, по мнению К. Цукермана, папирусы подтверждают общую тенденцию: демилитаризацию значительной части Нильской долины, начатую еще в V в. и значительно усилившуюся в VI в. Поскольку у нас нет сведений о восстановлении числа византийских гарнизонов в Египте, то мы вслед за автором монографии вполне можем предположить, что накануне арабского вторжения византийский Египет в военном отношении оказался не на высоте.

В этой же главе был продемонстрирован и другой интересный аспект хозяйственно-фискальных документов из Афродито – данные продовольственных (прежде всего зерновых) поставок в Константинополь как источник по демографическим процессам, происходящим в византийской столице. Использование их в своих расчетах (вкупе с известной общей цифрой зерновых поставок в Константинополь), К. Цукерман предполагает, что население столицы накануне страшной эпидемии чумы 542 г. превышало самые оптимистические расчеты, сделанные учеными: 600 000 тыс. по оценке А. Джонса и 650 000 (вместе с приезжими) – Ж. Дюрля. По мнению К. Цукермана, число жителей византийской столицы могло составлять от 730 000 до 750 000 человек, 70 000–80 000 из которых были приезжими. Однако папирусы, как оказалось, могут помочь в определении цифры потерь во время чумы, крайние оценки которых варьируются в пределах от 20% (Д. Стафакопулос) до 48% (Т. Холлингсворт) или даже 57% (П. Алэн) от общего населения города. Анализ зерновых поставок, согласно К. Цукерману, позволяет исключить эти крайние оценки и предположить, что столица потеряла примерно треть своих жителей, а учитывая общее вероятное их число, такая цифра могла равняться 240 000, что довольно близко к данным византийских авторов (Иоанн Эфесский, напомним, писал о 230 000 умерших). Но и это еще не все. К. Цукерман обратил внимание на тот удивительный факт, что показатели поставок из Афродито 10-го индикта 546/7 г. примерно равняются числу поставок в столицу накануне эпидемии. Сопоставив эти данные с не-

которыми другими и определив возможную динамику роста населения столицы, наш автор приходит к выводу, что оно могло достигнуть прежних размеров всего за 6 лет после чумы. Нам кажется, что эти рассуждения заслуживают внимания, учитывая столичный статус Константинополя и упомянутый К. Цукерманом источник такой “регенерации” – население пригородов и предместий византийской столицы.

В четвертой главе “Корпус налогоплательщиков” автор делает попытку дать общий “социальный портрет” жителей Афродито. Его оценка предполагаемого общего числа жителей деревни крайне оптимистична: в Афродито на время составления фискального регистра могло проживать около 7 000 человек: это больше, чем население многих полисов в Малой Азии в это же время, не говоря уже о Балканах или западной части империи. Автором отмечается крайне низкая доля фискальных выплат со стороны ремесленных корпораций Афродито – всего 3,2% от общей суммы. Но самые, на наш взгляд, интересные замечания автор делает относительно церковных владений в Афродито и социального статуса ее клириков. К. Цукерман пишет – и, по нашему мнению, вполне справедливо – о том, что процесс создания церковной земельной собственности был весьма длительным и непростым: документы деревни Афродито это подтверждают. Наиболее древние церкви Афродито (т.е. посвященные свв. апостолам или мученикам) вовсе не имели земельной собственности в деревне, а более новые имели ее в основном за счет жертвований их основателей. Вопреки широко распространенному мнению К. Цукерман полагает, что за исключением больших столичных храмов церкви были еще очень далеки от “самофинансирования” своей деятельности за счет земельной ренты: такая модель на протяжении VI в. еще только утверждалась. Хорошо известно, что в VI в. акты пожалований в пользу церквей весьма редки, в отличие от многочисленных документов того же типа в отношении монастырей. Раньше этот факт объясняли хорошей сохранностью монашеских архивов по отношению к другим типам документальных источников. Но данные Афродито свидетельствуют, что такая диспропорция отображает реальную ситуацию первой четверти VI в.

Вопреки мнению о крайней бедности сельского клира, высказанного А. Джонсом, данные регистра показывают нам, что сельские священники, упоминания о которых фигурируют в документе, люди достаточно зажиточные, принимающие активное участие в экономической жизни деревни и фактически не зависящие ни от каких субсидий. Как указывает автор, ни один канон не упоминает о таком социальном положении клирика при его посвящении, но они, несомненно, играли роль при его избрании в качестве кандидата. Правда, не со всеми суждениями автора мы бы согласились. Так, К. Цукерман отмечает, что вера в божественное providence неумируемых основателей монашеского движения, живущих трудами своих рук, постепенно сменяется заботой о земельной ренте (с. 227). Не имея ничего против второй части этого высказывания, укажем, однако, пытаясь правильно истолковать первую его часть, что среди основателей монашеского движения отнюдь не все были бедняками по своему происхождению. Так, в Житии св. Антония Великого дан размер земельного надела, которым владел св. Антоний до того, как окончательно стать монахом, – 300 арур, т.е. более 80 гектаров, так что назвать “отца монашества” неумируемым мы бы не решились. Данные других источников, например “Лавсаика”, свидетельствуют о том, что среди известных и почитаемых монахов, стоявших у истоков этого движения, были представители разных социальных слоев. Автор пишет, что христианский призыв отречься от всего в пользу бедных предполагал продажу недвижимости и раздачу вырученных за это денег общине (с. 226). Но вошла ли в эту недвижимость земля? То же Житие св. Антония Великого, о котором мы упоминали, свидетельствует скорее об обратном – по крайней мере для последних десятилетий III в. Св. Антоний, услышав призыв о духовном совершенстве, продает движимое имущество, тогда как свой земельный надел он “жалует” (*ἐχαρισάτο*) жителям деревни. Как предполагается, это было сделано именно по фискальным соображениям: свободные земельные собственники деревни выступали гарантами земельного налога, и отчуждение этой земли было не в их интересах (см.: *Athanasie d'Alexandrie. Vie d'Antoine / Introduction, texte critique, traduction, notes et index par G.J.M. Bartelink. P., 1994. P. 134–135. Not. 2*).

Но каковы же основные выводы исследователя? Их можно сформулировать так. Фискальная система ранней Византийской империи, как показывает это регистр Афродито наряду с данными других источников, по основным своим принципам восходит еще к птолемеевскому Египту, которую затем унаследовали римляне. Однако принцип разницы в налогообложении между частными землевладельцами и держателями “царской” земли был нивелирован в результате фискальных реформ начала IV в. Ставка земельного налога оказалась близкой к прежнему размеру налога с частных земель, существовавшего в Римской империи. Тем

самым был создан режим, благоприятный для сословия городских куриалов, а также “среднего класса” больших деревень, которые и были ответственны за налоговые взносы в казну. Положение меняется с 530–560 гг., когда ставка земельного налога сильно возрастает и приближается к прежнему налогообложению с “царских” земель. Именно в усилении налогового бремени, наряду с периодически повторяющимися вспышками чумы, К. Цукерман видит признаки того кризиса второй половины VI в., который чуть не погубил империю. Он констатирует, что такой рост земельной налоговой ставки самым плачевным образом сказался на положении “среднего класса” городов и деревень, который с тех пор утрачивает свою роль в государственных делах. С VI в., по его мнению, зримо ощущается изменение в самой фискальной системе, и связано оно прежде всего с постепенным исчезновением городской системы налогообложения. Отныне сельская община и подчиненная ей территория начинают вступать в прямые отношения с государственным аппаратом без посредничества города. Эта модель, по которой существовало Афродито времени составления фискального регистра, впоследствии становится классической. “Сельская община Византии, – по мнению К. Цукермана, – по сути своей является ни чем иным, как деревней с правами автопрагии, что из исключения становится правилом в сильно уменьшившейся в размерах империи, а Афродито – предвестник этого процесса” (с. 240).

Остается лишь добавить, что монография снабжена подробным индексом греческих слов, встречающихся в регистре, фотографиями папирусных листов с его текстом в приложении, но, к сожалению, в ней отсутствует сводный французский индекс для основной части монографии, который был бы совсем не лишним при внимательном изучении этого замечательного исследования.

А.А. Войтенко

R i e b e A. Rom in Gemeinschaft mit Konstantinopel. Patriarch Johannes XI. Bekkos als Verteidiger der Kirchenunion von Lyon (1274). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2005. 352 S.

Книга А. Рибе “Рим в общении с Константинополем. Патриарх Иоанн XI Векк как защитник лионской церковной унии (1274)” представляет собой слегка переработанную докторскую диссертацию, защищенную на факультете евангелического богословия Тюбингенского университета зимой 2003–2004 гг. Как отмечает исследовательница во вступлении к своей работе (“Провалившаяся уния и ее защитник”), великий хартофилак и впоследствии константинопольский патриарх Иоанн XI Векк (1275–1282) крайне редко оказывался самостоятельным предметом изучения. Из представленных А. Рибе цитат явствует, что провозглашенное на лионском соборе 1274 г. и отставившееся Векком объединение церквей рассматривалось в научных работах последнего столетия как изначально безнадежное предприятие (S. 33, ср. S. 99). Имеющиеся же в них оценки деятельности патриарха автор книги связывает с вероисповедной принадлежностью ученых, считая беспристрастными разве лишь мнения протестанта Й. Дрезеке и британской исследовательницы Дж. Хасси (S. 24–39).

Предшествующие лионской унии переговоры об объединении Церквей с самого начала XIII в. А. Рибе почему-то описывает после рассказа о соборе 1274 г. (S. 45–59). В отдельных главах исследовательница рассматривает внешнеполитическое положение Византии и ее внутривосточное развитие при императоре Михаиле VIII Палеологе до и после собора (S. 60–100). При этом автор сомневается во мнении о двойной игре василевса по отношению к папству, с одной стороны, и византийскому духовенству – с другой. Как отмечает исследовательница, скорее как раз знание о поставленных Римом требованиях питало сопротивление греческих священнослужителей, в то время как сам Михаил VIII делал все возможное для сохранения принятых в его стране богослужебных обычаев (S. 84–85). Лионскую унию А. Рибе считает “смелым” и “умным” предприятием василевса, пошедшего на “обманный маневр” в отношении папства (S. 87, 100). Замечание, согласно которому император Иоанн III Ватац был готов в 1253 г. предоставить римскому предстоятелю “квалифицированный примат чести”, плохо соответствует действительному объему сделанных тогда и намного более далеко идущих предложений (ср. S. 87 и S. 53. Апп. 28).

Представив в биографическом эскизе имеющиеся данные о жизненном пути Иоанна Векка, автор книги распределяет его сочинения по трем временным отрезкам (патриаршест-